

О ВЛИЯНИИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ПРОГРАММУ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Признание преступления в сугубо правовом дискурсе в качестве искусственно созданного социального конструкта связано с пониманием ограниченности влияния уголовного наказания на процессы и характеристики (качественные и количественные) преступности как массового социального явления, и необходимости внедрения таких конструкций реагирования на преступные проявления, которые связаны с социальной, бытовой, организационной, психологической и иной помощью лицам, совершившим преступление. Подобные меры, призванные в конечном итоге способствовать ресоциализации лица, должны разрабатываться с учетом его гендерной идентичности.

Recognition of a crime in a strictly legal discourse as an artificially created social construct is associated with an understanding of the limited impact of criminal punishment on the processes and characteristics (qualitative and quantitative) of crime as a massive social phenomenon, and the need to introduce such structures to respond to criminal manifestations that are related to social, organizational, psychological and other assistance to persons who have committed a crime. Such measures, ultimately designed to facilitate the resocialization of a person, should be developed taking into account their gender identity.

Ключевые слова: социальный контроль; ресоциализация; осужденный; гендерная идентичность.

Key words: social control; resocialization; convict; gender identity.

Развитие и совершенствование социального контроля над преступностью связано с национальным курсом либерализации, когда акцент реформирования традиционных отраслей уголовно-правового цикла, начиная с момента обретения Республикой Беларусь суверенитета, был сосредоточен на расширении инновационных механизмов уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера. В литературе отмечается общемировая тенденция «отставания» социального контроля над преступностью. М. А. Сутурин отмечает, что в силу того, что защита прав личности является первоочередной и главенствующей над всем остальным задачей, по мере процесса демократизации контроль общества над преступностью повсеместно и постепенно отстает от ее неблагоприятной динамики, а преступность обладает признаком самодетерминации [1, с. 558–559]. Современный социально-нравственный индикатор использования уголовного закона, как отмечает И. Я. Козаченко, реагирует не на глубинные, базовые истоки воспроизводства преступности, а на поверхностные экономические и социальные колебания либо напряжения политического характера, что разрушает материальную и нравственную основу равенства людей, провоцирует их на совершение недозволенного [2, с. 6–7]. В. М. Хомич по этой причине справедливо указывает, что социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации [3, с. 40].

Подобное положение не коррелирует изменившейся криминологической типологии преступности и преступников, а также социально-экономическим возможностям социума. Проблема усугубляется также тем, что длительно складывающаяся судебная практика исходила, главным образом, из принципа возмездно-карательных начал при применении уголовных санкций в ущерб принципу индивидуализации, в то время как именно принцип индивидуализации нацелен на ресоциализационный и восстановительный эффект применения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

Ограничение прав и свобод лица, проявившего себя с точки зрения девиантного поведения, уголовно-правовыми средствами (закрепленными в уголовно-правовых нормах), возмож-

ность привития ему социально полезных навыков и качеств в рамках применения принудительных средств воздействия не являются принципиально новыми идеями не только с точки зрения философско-теоретических взглядов на проблему, но и в рамках легального отражения в действующем законодательстве. Следует отметить, что возможности дифференциации подобного контролируемого воздействия на основе гендерной специфики до настоящего времени практически не рассматривались и не были отражены в действующем законодательстве Республики Беларусь. Прикладным результатом современных юридических и научно-социологических изысканий должна выступать детальная легальная регламентация не только репрессивных, контрольно-надзорных мер уголовно-правового воздействия, но и исправительно-восстановительных мер контроля за преступником. Весьма значимой в этой связи является адекватная научно обоснованная постановка задач в области реагирования на преступность в плоскости совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в направлении более широкого внедрения поощрительных мер, направленных на стимулирование законопослушного поведения и его осознанный, неформализованный выбор. Важное значение при разработке подобных мер приобретает учет гендерных факторов. В настоящее время все настойчивее высказываются предложения по формированию альтернативной «восстановительной» юстиции, действующей вне рамок государственного уголовного правосудия [4, с. 74]. На наш взгляд, подобные альтернативные механизмы особенно актуальны применительно к построению механизма эффективного воздействия на различные социальные страты в зависимости от определенных гендерных характеристик (возраста, пола, физиологически или психологически ограниченных возможностей индивида).

В историческом ракурсе в криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические, этнические, религиозные. Философия и генезис противоправных проявлений с точки зрения гендерной специфики практически не разрабатывался и не разрабатывается с современных концептуальных позиций. Гендерная криминология рассматривается не как самостоятельная отрасль криминологического знания, а как частнонаучная проблема. Отечественная теория преступности и национальное законодательство Республики Беларусь криминального цикла уже находится на том рубеже, когда эффективное продвижение в практике противодействия преступности возможно только при надлежащем использовании элементов изучения преступности и механизмов социально-адаптационного характера, в том числе с учетом гендерной идентичности лица. При прохождении определенных цивилизационных этапов развития общества мобильность отдельных социальных групп, в том числе формирующихся на основе гендерных характеристик, растет, однако зависимость от социальной, гендерной принадлежности по-прежнему остается весьма существенной. С учетом складывающихся столетиями гендерных стереотипов стартовые возможности, связанные с некриминальными вариантами самореализации, в различных социальных группах неодинаковы, исходя из этого и научно-теоретические концепции противодействия преступности должны строиться на основе оценок гендерных факторов.

Гендерный подход как методологический подход научных исследований, в первую очередь в сфере психологии и педагогики, появляется на рубеже XIX–XX вв. В трудах С. А. Соколинской, Г. Тарда (изданных в России), П. Н. Тарновской затрагиваются проблемы предупреждения отклоняющегося и преступного поведения в зависимости от принадлежности к соответствующему гендеру. Масштабное историографическое исследование изучения проблемы женской преступности в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. и влияния данного социального явления на процессы модернизации осуществлено С. Г. Куликовой [5, с. 3–170]. Прикладные мероприятия и их теоретическая основа в отношении криминологических прогнозов развития преступности лиц женского пола и несовершеннолетних была заложена отечественными учеными и практикам в 60–80-е гг. XX в. Практическим результатом изучения особенностей преступности различных групп населения в зависимости от гендерной идентичности, на наш взгляд, должны стать концептуальные направления их профилактики и социальной адаптации указанных групп, поскольку в настоящее время действующие концепции и государственные программы (например, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 гг., Государственная программа «Образование и молодежная политика» на 2016–2020 гг.) не содержат подобных положений в систематизированном виде на уровне замкнутой системы профилактики и ресоциализации. Процессы профилактики и социальной адаптации лиц, совершивших преступления, должны осуществляться на планово-программной основе, с учетом криминологической модели, учитывающей фактор гендера указанного контингента лиц, с

включением соответствующих мероприятий в основные стратегии, концепции, доктрины и иные правовые акты, определяющие направления развития Республики Беларусь и принятые на их основе государственные программы.

Понятие гендерной идентичности как внутреннего ощущения личности о ее принадлежности к тому или иному гендеру, и небинарной (выходящей за рамки традиционной гендерно-бинарной системы – ощущения мужского или женского гендера) гендерной идентичности в уголовно-правовых и криминологических исследованиях фактически не используется, оставаясь термином медицинским, психологическим или даже социологическим, но неприменимым в контексте изучения преступности и выстраивания эффективной системы противодействия преступным проявлениям несмотря на разнообразие форм проявления. Совокупность мероприятий, охватываемых применяемыми мерами уголовно-правового воздействия на различных стадиях реализации мер уголовной ответственности, должна дифференцироваться в зависимости от гендерной идентичности с тем, чтобы применяемые средства исправительного, режимно-ограничительного и ресоциализационного характера максимально соответствовали целям исправления лица и его последующей адаптации в обществе, а также привития социально полезных навыков. Юридическое признание гендера является одним из основополагающих моментов проблемы трансгендера, поскольку именно данным фактом определяется, как личность воспринимают в официальных взаимодействиях и каковы ее гендерно-обусловленные права или ограничения (например, перечень и пределы применимых уголовных наказаний, реализация альтернативных применению наказания форм уголовной ответственности и института условно-досрочного освобождения, определение вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания, возраст выхода на пенсию или возможность работать по определенной профессии применительно к принудительной трудотерапии в рамках реализуемого уголовного наказания). Гендерная идентичность должна быть учтена при конструировании индивидуальной ресоциализационной программы лица, подвергающегося мерам уголовно-правового воздействия. Инновационные исправительные технологии, на наш взгляд, должны не только поэтапно осуществляться на протяжении всего периода реализации уголовной ответственности – как в пенальный, так и постпенальный период ее реализации с учетом карательно-поражающих последствий применяемого наказания, но и учитывать гендерные особенности адресата уголовно-правового воздействия. В этом отношении систематика и содержание мер уголовной ответственности в национальном законодательстве более приемлема для практического разрешения задачи реадaptации осужденных в обществе после исполнения наказания в рамках продолжаемой реализации уголовной ответственности вплоть до погашения (снятия) судимости. В большей степени сказанное касается лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы. При этом лица, допустившие рецидив преступлений, и составляющие наиболее сложную с точки зрения ресоциализации и создания позитивного компенсаторного механизма категорию осужденных, неоднородны по своим личностным характеристикам (гендерная идентичность, гендер, интерсекциональные признаки: возраст, вероисповедание, этническая принадлежность, социальное окружение). В соответствии с этим исправительное воздействие на них должно быть максимально индивидуальным, а при разработке мер предупреждения рецидива и планировании индивидуальной воспитательной работы в исправительном учреждении необходимо, чтобы указанные факторы в обязательном порядке учитывались в программе исправления осужденного. Последняя должна формироваться на основе обязательного осуществления криминологического прогнозирования ожидаемого поведения конкретного лица. С учетом уровня развития современных информационных технологий нам представляется, что подобная деятельность должна быть более унифицирована и осуществляться на основе базовой компьютерной программы, содержащей не только анкетные данные об осужденном, но и комплекс сведений о типовых характеристиках личности, его гендерной самоидентификации, о проводимых мероприятиях, на основе обобщения и анализа полученных данных, предлагающей возможные методики социализации. Потенциал информационного пространства в плане использования возможностей хранения, накопления и обработки данных, составляющих полученные на различных этапах уголовного судопроизводства сведения о лице, позволяет размещать их в специализированной базе данных, доступной для органов дознания и предварительного следствия, суда, учреждений уголовно-исполнительной системы, а также структур, на профессиональном уровне включенных в процесс ресоциализации.

Список использованной литературы

1. **Сутурин, М. А.** Преступность и социальный контроль / М. А. Сутурин // Сиб. юрид. вестн. – 2002. – № 4. – С. 57–59.
2. **Козаченко, И. Я.** Нравственный потенциал уголовной ответственности / И. Я. Козаченко // Нравственные основы уголовной ответственности : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М. И. Ковалева, Екатеринбург, 15–18 февр. 2017 г. – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2017. – С. 5–20.
3. **Хомич, В. М.** Социальный контроль преступности безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации / В. М. Хомич // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2018. – Ч. 2. – С. 40–43.
4. **Гилинский, Я. И.** Что же делать с преступностью? / Я. И. Гилинский // Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сб. ст. – СПб. : Алетейя, 2017. – С. 56–74.
5. **Куликова, С. Г.** Женская преступность как социальный фактор российской модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) / С. Г. Куликова. – Гагарин : Полимир, 2011. – 174 с.